

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.119-126
УДК 39

Л.Н. Щанкина

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Стремянный пер., 36, Москва, 117997, Россия
E-mail: schanckina@yandex.ru

Мордва на территории Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: некоторые проблемы переселения и обустройства

Статья посвящена исследованию основных проблем, связанных с переселением и обустройством мордовских крестьян на территории Западно-Сибирского региона начиная с середины XIX в. и включая период проведения Столыпинской аграрной реформы. Особое внимание уделено обустройству новопоселенцев и их взаимоотношениям со старожилами, успехам и неудачам самовольного и обратного переселения, динамике численности. Основой для исследования послужили архивные источники, в частности, рукописи Е.И. Кривякова и В.Б. Русяйкина из Научного архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. Выявлены причины переселения мордвы в Западную Сибирь, важнейшая из которых связана с экономическими условиями в местах выхода. Доказывается, что условия для крестьянских переселений начали формироваться в связи с отменой крепостного права в 1861 г. и проведением Столыпинской аграрной реформы, которая должна была разрядить аграрный кризис в центре страны. На основе анализа архивных материалов и литературных источников определено, что основные проблемы в переселенческой политике – неготовность переселенческого и всего административного аппарата справиться со значительной массой переселенцев, нехватка средств на мероприятия по перемещению людей, малые размеры земельных наделов для дальнейшего обустройства новоселов, трудности при оформлении документов, оказание правительством помощи в недостаточной мере и далеко не всем нуждавшимся в ней (лишение права самовольных переселенцев при получении земельных наделов, невмешательство в дело обустройства крестьян и непринятие мер, ограничивавших размер приемной платы в старожильческие поселения, и др.) – были обусловлены слабой организационной подготовкой.

Ключевые слова: Западная Сибирь, регионы Поволжья, мордва, переселенцы, расселение, переселенческая политика.

L.N. Shchankina

Plekhanov Russian University of Economics,
Stremyanny per. 36, Moscow, 117997, Russia
E-mail: schanckina@yandex.ru

Mordvins in Western Siberia in the Late 19th to Early 20th Century: Certain Issues in the Migration and Settlement

This study addresses the main aspects of the Mordvin peasant relocation to Western Siberia from the mid-1800s to Stolypin's agrarian reform, with a focus on resettlement and relationships with old residents, successful and failed unauthorized and reverse migration, and the displacement level. The sources are archival data, specifically E.I. Krivyakov's and V.B. Rusaikin's manuscripts owned by the archives of the Government of Mordovia Institute for the Humanities. Causes of migration were mostly economical, and the process was triggered by the abolishment of serfdom in 1861 and then by the Stolypin's reform, meant to defuse the imminent agrarian crisis in central Russia. On the basis of archival and published evidence, it is demonstrated that the main problems faced by the authorities were their unpreparedness for arranging the relocation of large numbers of peasants, insufficient funding, small size of land plots allotted to new settlers, difficulties with obtaining documents, the fact that governmental help was insufficient and provided not to all those in need (land plots were not allotted to unauthorized settlers), administration's laissez faire in the resettlement process, failure to limit admission fees paid to old settlers, and other factors caused by poor organizational training.

Keywords: Western Siberia, Volga Region, Mordvins, settlers, resettlement, migration policy.

Введение

Мордовский этнос отличается особой дисперсностью расселения. Значительные группы мордвы проживают не только в областях и республиках Среднего Поволжья, но и в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и др. Характер расселения мордвы начинает меняться во второй половине XVI в. в связи с переселением в мордовский край русских, а также миграциями мордвы в рамках коренной этнической территории и ее участием в освоении земель, входивших в состав Российского государства [Мордва, 1995, с. 47]. Систематические миграции мордовского населения с территории Поволжья начались в 1847 г., хотя официальные данные фиксируют переселение в азиатскую часть России только после 1852 г. [Волкова, 2007, с. 57]. До середины XIX в. переселенческое движение мордовского населения на территорию Западной Сибири носило самовольный характер. Большую роль в дальнейшем освоении сибирских земель сыграло государство. После реформы 1861 г. правительственная политика страны была направлена на решение аграрного вопроса, который к тому времени существенно обострился, путем переселения крестьян в Сибирь. Что касается мордовских крестьян, то они давно стремились перебраться в Сибирь [Разживин, Никонова, 2007, с. 46].

Переселенческое движение в пореформенный период (1861–1917 гг.)

Процесс переселения мордвы в Сибирь был достаточно длительным. Что же заставляло людей переселяться на такие далекие от Мордовии расстояния? Главной причиной было тяжелое экономическое положение крестьянства. В конце XIX – начале XX в. основой экономики Мордовии являлось отсталое сельское хозяйство, в котором было занято ок. 96 % всего населения, тогда как в целом по Пензенской губ. этот показатель был равен 90 %, а в Симбирской – 83 % и т.д. Земля принадлежала преимущественно помещикам, монастырям и кулакам. Трудовое крестьянство находилось в весьма тяжелых условиях малоземелья. Росло расслоение: возрастал удельный вес как бедняцких хозяйств, так и кулаков. Для ведения самостоятельного середняцкого хозяйства крестьянину необходимо было иметь не менее 15 дес. земли. В начале XX в. в Мордовии на одно крестьянское хозяйство обычно приходилось 7,5 дес. всех земель, а пахотных – лишь 4,5 дес. Нешадно угнетали и эксплуатировали мордовское и русское крестьянство монастыри, имевшие огромные капиталы и обширные земли. Их владения были сосредоточены главным образом в Краснослободском и Темниковском у. Так, в последнем площадь земель только трех монастырей равнялась площади всех надельных земель

4,5 тыс. крестьянских дворов. Один из крупнейших и богатых монастырей России – Саровский – владел 26 250 дес. лучших земель и лесных угодий [Филатов, Юрченков, 1989, с. 146–147].

Крестьяне нуждались в лошадях, крупном и мелком скоте, сельскохозяйственном инвентаре. Частые засухи и неурожаи усугубляли трудности крестьянской жизни. Военно-конской переписью 1905 г. в Мордовии зафиксированы 27,1 % безлошадных и 39,1 % крестьянских хозяйств с одной лошадей. Однолошадные и безлошадные крестьяне, как правило, были мало- и безземельными, т.е. составляли бедняцко-батрацкий слой населения мордовской и русской деревни. В Мордовии накануне 1905 г. доля таких хозяйств достигала 66,2 % от всех крестьянских хозяйств, что на 6,7 % больше, чем в среднем по европейской части России [Там же, с. 147].

Малоземелье и нищета в мордовской деревне, где в конце XIX – начале XX в. ускорился процесс расслоения крестьянства, слабое развитие фабрично-заводской промышленности во многом обусловили распространение в Мордовии отходничества. Им занимались крестьяне и других районов Среднего Поволжья – маришцы и чуваша, но не в таких масштабах. Ежегодно из Мордовии в рассматриваемое время уходило на отхожий промысел свыше 100 тыс. бедняков (русские и мордва), или более 30 % от всего взрослого мужского населения. В отличие от эпохи феодализма, отмеченного «ползучими» миграциями, которые не распространялись далеко и исходили преимущественно из сопредельных районов, период капитализма характеризуется переселениями большего масштаба и на далекие расстояния. Но и они не способствовали улучшению жизни крестьян [Там же]. Как отмечают историки, ввиду плохой организации переселения к 1912 г. многие мордовские крестьяне – разоренные, лишенные земли и средств к существованию – вернулись в места прежнего проживания.

Наиболее подходящим местом для проживания была часть Западной Сибири, расположенная ближе к европейской части России, с ее благоприятными почвенно-климатическими условиями. Мордовские крестьяне пытались осесть на территориях, которые по природным условиям напоминали им родину. Такими являлись лесостепные и степные районы Томской, Енисейской и Тобольской губ. Численность мордвы в них быстро увеличивалась.

В 1859 г., согласно статистическим сведениям, в Томской губ. мордвы было 957 душ обоего пола, они проживали в десяти населенных пунктах [Списки..., 1868, с. LXXXII]. Официальной статистикой первое мордовское моноэтническое поселение зафиксировано в Томском окр. Кривошековской вол. – это д. Марьяна (393 чел.), в которой жили «пензенские мордовцы, считавшиеся хорошими пахарями, живущими безбедно» [Волости..., 1894, с. 66]. Совместно с рус-

скими мордва проживала в д. Мало-Пичугина Мариинского окр. Почитанской вол. – 108 душ обоего пола, с. Солтонском Бийского окр. Уксунайской вол. – 102, с. Нижнем-Ненинском Яминской вол. – 38 душ обоего пола [Овчарова, 2016, с. 102].

По подсчетам этнографа В.И. Козлова, численность мордовского народа до 1861 г. в Томской губ. составляла ок. 1 тыс. чел. [1960, с. 27, 41], а к переписи 1897 г. она выросла до 14,7 тыс. чел. [Волкова, 2007, с. 59]. До 1861 г. в Сибирь переселяли в основном государственных крестьян из Тамбовской и Пензенской губ. Согласно информации Н.Ф. Тюгаева, исследователя крепостной деревни Мордовии конца XVIII – первой половины XIX в., в 1859–1882 гг. из Саранского у. Пензенской губ. в Томскую губ. переселились 1 077 чел.: из Краснослободского у. – 721, из Инсарского у. – 41 чел. [Там же, с. 57]. По данным Архива города Минусинска Красноярского края, в 1861–1914 гг. из Пензенской губ. (ныне территории, находящиеся в границах Республики Мордовии (далее – РМ) выбыло ок. 200 тыс. чел. В 1862 г. на Урале и в Сибири обосновались 39 семей из Краснослободского у., с 1863 по 1888 г. – 200 семей из Саранского у., с 1889 по 1891 г. – 140 семей из Инсарского, Спасского и Темниковского у. В действительности размеры миграций из мордовского края и регионов Поволжья были более значительные: в официальных документах не учитывались самовольные переселенцы и ходоки, которые, подыскав благоприятное местожительство, не возвращались обратно на родину [Никонова, Терняев, 2007, с. 26]. Не имея возможности переселяться легально, мордва вплоть до конца XIX в. передвигалась самовольно.

Переселенческое движение в Сибирь к концу XIX – началу XX в. стало возрастать. Так, с 1861 по 1891 г. в Сибирь поселились ок. 450 тыс. чел., из них в Западной Сибири осело примерно 350 тыс., а в Восточной Сибири – до 100 тыс. чел. Желание переселиться у крестьян иногда формировалось в условиях падежа скота, неурожаев, пожаров и т.д. Например, после случившегося в 1891 г. пожара в д. Гузынцы Саранского у. Пензенской губ. (ныне Большеберезниковский р-н РМ), который уничтожил большинство дворов, одна часть жителей уехала в Сибирь, другая – на Кавказ, а третья – в Уфимскую губ. [Русяйкин, 1987, с. 134, 138].

Всеобщая перепись населения, проведенная 20 января 1897 г., предоставила довольно точные сведения о численности и размещении населения, его социальном составе, религиозной структуре и образовательном уровне. В губерниях Российской империи числилось 1 023 841 чел. мордовской национальности, в т.ч. на территории Сибири – 20 223 чел. (0,4 %). Наибольший удельный вес мордовского населения был в Барнаульском, Мариинском, Змеиногорском, Томском, Бийском и Кузнецком окр. Томской губ., Минусинском окр. Енисейской губ., Тюкалинском и Ишим-

ском окр. Тобольской губ. [Первая всеобщая перепись населения..., 1904–1905, т. LXXV, с. 2–3; LXXVIII, с. 2–3; LXXIX, с. 2–3; LXXIII, с. 2–3].

Большую роль в обеспечении переселенцев земельными участками в местах водворения и оказании помощи в обустройстве на новом месте сыграло созданное в 1896 г. Переселенческое управление. Правительство гарантировало дешевый проезд по железной дороге, ссуды, бесплатное пользование местными лесами и т.д.

С открытием железнодорожного сообщения основной поток крестьян в Сибирь двигался через Челябинск. В 1896 г. переселенческий пункт, регистрировавший прибывавших из Тюмени, перевели в г. Омск. Здесь создавались бараки для временного размещения переселенцев, столовые, больницы и различные склады, а также базы Переселенческого управления [Хлеб..., 1999, с. 35–36].

Решаясь на переезд, мордовские крестьяне продавали все свое имущество и на собранные деньги рассчитывали доехать до нового места жительства, построить себе жилище и обзавестись хозяйством. Во время продолжительного и трудного переезда переселенцы все вырученные деньги часто тратили полностью и на новом месте оказывались без средств к существованию. Исключением являлись чуть более зажиточные крестьяне, имевшие достаточные средства и необходимые орудия труда для немедленного обзаведения новым хозяйством. Большинство крестьян, чтобы обосноваться на новом месте, приходилось работать по найму у старожилов либо у тех переселенцев, которые успели завести свое хозяйство [История Сибири..., 1968, с. 26]. Материалы об имущественном положении свидетельствуют о преобладании среди переселенцев бедняков. А.А. Кауфман в 1894 г. отмечал, что из мордовского края в Томскую губ. переселились 104 семьи, из них 81 семья (79,4 %) – безлошадные и однолошадные [1895, с. 250]. В пос. Островском, Воскресенском и Наумовском среди переселенцев крестьянская беднота составляла 80,6; 83,3 и 90,0 % соответственно [Кривяков, 1977, л. 38]. По данным Е.И. Кривякова, с минимальными средствами выезжали крестьяне из Пензенской и Симбирской губ. Так, в 1895–1896 гг. у 84 % семей-переселенцев не было домов, а некоторые оценили свои строения менее чем на 100 руб. [Там же, л. 46].

В конце XIX в. в переселенческом движении участвовали два потока переселенцев: один был организован государством, другой состоял из т.н. самовольных, «неорганизованных» поселенцев. Условия переселения были крайне тяжелыми. Выделение участков проводилось медленно, тысячи семей не могли устроиться и находились на краю гибели. Особенно большие страдания выпали на долю самовольных переселенцев: половина из них – бездомные, которые были вынуждены собирать милостыню. Как прави-

ло, все такие переселенцы относились к категории непричисленных. Правительство не выдавало таким переселенцам земельных наделов и не оказывало никакой материальной помощи. Если кому-то выделяли участки, то делали это наспех, часто в местах без воды и на неудобных для хозяйства землях. В результате эти прибывшие оказывались в значительно худших условиях, чем «законные» переселенцы. Правительство, лишив самовольцев права получать земельные наделы, не вмешивалось в дело обустройства в старожильческих поселениях и не ограничивало размер приемной платы. Например, в 1882 г. в с. Легостаево Барнаульского окр. Томской губ. прибыли четыре семьи из Краснослободского у. и три семьи из Саранского у. Пензенской губ. Старожилы потребовали за их приписку с мужской души от 80 до 100 руб. (в 1900 г. у четырех семей из Краснослободского у. они запросили от 50 до 100 руб.) и продали им для жилья свои старые хижинки. Ввиду отсутствия средств новоселы были вынуждены приписаться в мещане в г. Барнауле. Прибывшие со своими семьями на новые места жительства и обосновавшиеся там не имели земли, покосов и других угодий [Там же, л. 154, 157]. «За последнее время, – указывал А.И. Комаров, – старожилы часто берут и по 150–200 руб. за приписку мужской души» [1913, с. 76]. В рапорте саранского уездного исправника от 22 февраля 1900 г. также содержатся материалы о самовольных переселениях крестьян из мордовских сел Вязовка и Верхний Шкафт Городищенского у. Пензенской губ. В нем сообщается: «Пять семей, по сведениям родственников, без всяких письменных видов выехали из прежнего места жительства, предприняв самовольное переселение в Томскую губернию» [Гребнев, 1959, с. 59–60]. Иногда полицейским удавалось напасть на след переселенцев, задержать и вернуть их на прежнее поселение. Так, на ст. Тимирязево Московско-Казанской ж. д. (ныне ст. Красный Узел РМ), как сообщалось губернатору, «12 апреля были задержаны самовольные переселенцы (9 семейств в количестве 46 человек) из с. Кочуново Чуфаровской волости Саранского уезда Пензенской губернии. Все они распродали свои жилые и хозяйственные постройки, но их вернули обратно на старое местожительство» [Там же].

У неофициальных переселенцев выбор был небольшой: они могли приписаться к селениям старожилов либо арендовать землю у Сибирского казачьего войска или казахов. Зажиточные старожилы, пользуясь безвыходным положением самовольных переселенцев, притесняли их. Так, в 1901 г. шесть непричисленных семей из Краснослободского и Спаского у., водворившихся в пос. Думчевский Барнаульского у. Томской губ., отмечали, что «живут очень бедно, никакого имущества, кроме домов не имеют, старожилам платят 3 руб. за усадьбу, 2 руб. за пастьбу

скота, “полетки” по 2 руб. за десятину пахотной земли и т.д.» [Кривяков, 1977, л. 157]. Вот как в начале XX в. оценивал эту ситуацию чиновник: «Большинству переселенцев приписка была не по средствам, так как за приписку мужской души необходимо было заплатить от 30 до 50 руб., и для среднестатистической семьи она составляла 90–150 руб. А проживать в качестве неприписных было очень разорительно, так как они облагались такими поборами, что существование крестьян в таких условиях было невозможно, не говоря уж об их экономическом развитии» [Нововаршавский район..., 2004, с. 18–19].

Часто переселенцы не могли обосноваться в старожильческом поселении по той причине, что его жители опасались стеснения в пользовании личными земельными угодьями. Тем не менее новоселы пытались обосноваться в старожильческих поселениях, поскольку там легче было найти подработку, жилище до возведения своего, присмотреть более подходящую для обработки землю, а также приобрести продукты питания до получения своего урожая. Если переселенцам удавалось обосноваться в старожильческом селении, они, как правило, селились отдельно, создавая новые переселенческие участки. Например, мордовская деревня Тавлы Зырянского р-на Томской обл., по словам правнука ее основателя Виктора Михайловича Петрова, была образована Еремеем Петровым, который переселился со своей семьей из с. Подлесная Тавла Саранского у. Пензенской губ. (ныне Кочкуровский р-н РМ) в 1863 г. [Как Еремей Петров...]. Из материалов этнографической экспедиции в юго-восточную часть Западной Сибири 2009 г., организованной Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве РМ, следует, что в деревне остался один житель мордовской национальности, а остальные переселились в соседнее село Высокое Зырянского р-на, в котором часть мордвы – это переехавшие из г. Заринска Заринского р-на Алтайского края.

Почему же мордовский народ переезжал на постоянное место жительства в Западную Сибирь? Один из основных факторов, оказывавших влияние на материальную культуру любого этноса, – географическая среда, а также экономическое положение в районе вселения. От климата, ландшафта, почвы, наличия тех или иных природных ресурсов зависела его хозяйственная деятельность. Многим Сибирь представлялась краем, богатым ценным зверем, рыбой, сенокосами, черноземом, не знающим недорода. Среди переселенцев распространялись слухи, что на новых местах выдают большие деньги, построенные усадьбы, скот, сельскохозяйственный инвентарь и др. В действительности длительное время земли Акмолинской обл. Омского у. считались малопригодными для земледелия. По данному поводу генерал-губернатор Акмо-

линской обл. Г.А. Колпаковский писал, что «свободных для переселения земель в Акмолинской области вообще не имеется и земледелие в степи невозможно». Поэтому давалось указание «под любым предлогом не разрешать оставаться здесь на длительное время, а самовольно поселившихся выдворять на место старого жительства поэтапно» [Нововаршавский район..., 2004, с. 17–19].

Тяжелые природно-климатические, а также сложные социально-экономические условия заставляли многих новоселов покидать полученные участки, искать новые места и лучшие земли в той же Сибири. Разочаровавшиеся переселенцы нередко возвращались обратно абсолютно разоренными. Согласно архивным данным, покинуть Сибирь их заставили: недостаток средств и суровый климат, плохое качество почвы, отсутствие свободных участков, воды и леса или наоборот – чрезмерная лесистость, заболоченность и затопляемость участков, отсутствие сенокосов и выпасов для скота, неурожаи и т.д. Например, в 1882 г. четыре семьи из с. Слободские Дубровки Краснослободского у. вернулись на родину из Барнаульского окр. Томской губ. Причину неудачного переселения они объясняли так: «Для обустройства на удобной и плодородной земле необходимо было заплатить за приписку старожильческому обществу 100 руб., другая же земля была неудобная. Кроме того, их обманым путем заманили к себе родственники, которые написали в письме о том, что в Сибири все живут богато. Решившись на переселение и переехав в Сибирь, они очень разочаровались. На вопрос: “Для чего они их пригласили к себе?”, те ответили, “из-за вредности, что не одним им разоряться”» [Кривяков, 1977, л. 159–160].

Не все переселенцы решались вернуться на родину, многие оставались в Сибири, т.к. переезд требовал больших средств. В 1896–1900 гг. среди «обратных» переселенцев преобладали выходцы из Симбирской губ. (20,0 %), за ними следовали выходцы из Пензенской (17,5) и Тамбовской (14,1 %) губ. [Там же, л. 162–163]. Абсолютное большинство крестьян возвращались в Тамбовскую, Симбирскую и Пензенскую губ. главным образом из Томской губ., хотя и самый большой приток переселенцев из названных губерний был именно в Томскую губ. Из Енисейской, Тобольской и Иркутской губ. возвращались из-за того, что там была тайга, трудно поддающаяся расчистке. Самый большой процент вернувшихся из Тобольской губ. составили жители Пензенской губ., а из Енисейской – Тамбовской губ.

Большая часть крестьян вернулась на родину в год неудачного переселения. Основная причина возвращения таких крестьян – отсутствие в местах водворения благоприятных условий для ведения своего хозяйства, а главное, необеспеченность землей, при-

годной для обработки. Обратное переселение проходило медленно, т.к. многие переселенцы часто шли пешком, подрабатывали, попрошайничали, голодали, домой они вернулись беднее прежнего [Там же, 1977, л. 165–167]. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что правительство не создало благоприятные условия для хозяйственной деятельности новоселов в местах водворения. Правительственная помощь оказывалась в недостаточной мере и далеко не всем нуждавшимся.

Поток переселенцев усилился после принятия закона от 13 июня 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Переселяться людей заставляли также неурожаи и голод в Европейской России в 1891–1892 гг. Чтобы стать законным переселенцем, требовалось получить разрешение двух министерств – Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ. Чиновники не справлялись с количеством поданных заявок, а тех, кто уезжал без разрешения, возвращали назад. Однако, несмотря на установленные порядки, поток самовольных переселенцев увеличивался. Только в 1892 г. он составил 35 %. В том же году правительство временно приостановило выдачу разрешений и переселение полностью стало самовольным. И это несмотря на то, что «самовольцы» не имели льгот на получение путевых ссуд по отбыванию воинской повинности и на передвижение по железной дороге. По закону от 13 июня 1889 г. они освобождались в первые три года от обложения за землю, в последующие три года платили половинную оброчную подать по 7,5 коп. за 1 дес. и только через шесть лет платили полную подать по 15 коп. за 1 дес. При законном переселении они получали ссуду на проезд и хозяйственное обустройство: минимум 51 руб. 28 коп., максимум 118 руб. 29 коп. [Нововаршавский район..., 2004, с. 18–19]. Так, при переселении в 1903 г. в Кыштовскую вол. (ныне Кыштовский р-н Новосибирской обл.) правительство выдавало переселенцам 14 руб. 50 коп. (Архив Кыштовского краеведческого музея. Ф. 296. Оп. 1. Л. 8). Статус официального переселенца был самым надежным и экономически выгодным, но, как отмечалось, чиновники не успевали «нарезать» участки и оформлять документы из-за нехватки средств.

После революции 1905 г. положение переселенцев в местах выхода стало еще больше ухудшаться. Так, в 1906 г. в телеграмме на имя царя 350 домохозяев Краснослободского у. Пензенской губ. писали: «Малоземелье и неурожай гонит нас в далекую Сибирь... Всемиловейший государь, не откажите нам в слезной просьбе о переселении на указанный участок в Сибирь». В примечании к описанию имущественного положения 16 семей с. Сивинь Краснослободского у., переселившихся в 1909 г. в Томскую губ., указано, что «все семьи земельного надела не имеют» [Кривяков, 1974, с. 28, 31].

Переселения в период Столыпинской аграрной реформы

Следующий этап переселения крестьян из центральных районов России в Сибирь связан с проведением Столыпинской аграрной реформы. Правительство провело большую работу, определяя переселенческие участки для создания будущих населенных пунктов. Такие участки выбирали на пустующих землях либо отрезали после межевания от владений старожилов сельских обществ. Отводу участков предшествовало геологическое обследование. При выборе отдавали предпочтение местам, расположенным, как правило, недалеко от реки или озера либо около колоков. При этом учитывался растительный покров почвы. С 1906 по 1916 г. на территории Томской губ. были заселены 5 092 переселенческих участка. В Томском переселенческом районе значился 21 подрайон водворения и устройства переселенцев, но люди заселились преимущественно в Томском и Кузнецком подрайонах [Никонова, Терняев, 2007, с. 31]. Прибывшим из Пензенской губ. предоставлялись земельные участки (доли) в Тобольской, Томской, Енисейской, Акмолинской обл. и др. Только в 1909 г. из Пензенской губ. было подано заявок главному управляющему землеустройством в Сибири на 7 631 долю. Предоставлено же было на всю губернию 2 004 доли [Гребнев, 1959, с. 63, 65]. Согласно архивным данным, в 1910–1911 г. ок. 100 семей из с. Колопина Краснослободского у. переселилось в Сибирь (обосновались в Томской губ.) [Материалы..., 1955, л. 18]. В то время на современной территории Омской обл. появилось много новых поселков: Нововаршавка, Новоцарицино, Ясная Поляна, Русская Поляна, Павлоградка, Одесское, Южно-Подольск, Добровольск и др. За 25 лет (с 1889 по 1914 г.) в них переселилось более 0,5 млн чел. [Рашин, 1956, с. 70], в т.ч. мордва (представители этноса проживают в настоящее время в с. Нововаршавка). В Кыштовской вол. Томской губ. (ныне Омская обл.) появилось 47 деревень. В 1871–1889 гг. расселением приехавших крестьян, а также перепланировкой уже существовавших деревень занимался Томский губернский землеустроительный отряд. На землеустроительных картах указывались места поселений, усадьбы, земельные участки, приводились списки проживавших в уже существовавших деревнях. В 1911 г. был образован пос. Шастинский, в который переселилась и мордва. Перепись 1926 г. зафиксировала в нем 69 жителей обоего пола, из них мужчин – 30 чел., женщин – 39 чел. (Архив Кыштовского краеведческого музея. Ф. 296. Оп. 1. Л. 3–8).

В период проведения Столыпинской реформы на территории Сибири были основаны многие поселки и деревни, поскольку правительство инициировало ряд законов о землеустройстве крестьян: об особом содействии Крестьянского Банка к покупке земли

крестьянами (Высочайший Указ от 3 ноября 1905 г.), о понижении процента по банковским ссудам (Указ от 14 октября 1906 г.), об обращении удельных земель и казенных земельно-оброчных статей и части лесов на расширение крестьянского землепользования (Указ от 27 августа 1906 г.), о свободном выходе из общины, наделе наделных участков, о помощи правительства в уничтожении чересполосицы, расселении на хутора и размежевании на отрубы, о ссудах Крестьянского Банка под залог наделов (Указы от 4 марта, 9 и 15 ноября 1906 г.) и Указ от 10 марта 1906 г., по которому всем крестьянам и мещанам-землепашам предоставлялось право переселяться в Азиатскую Россию на казенные, специально отведенные для этого земли без особого разрешения начальства или общественного схода. Однако правительство постоянно предупреждало желающих переселиться, что для нормального устройства и обзаведения хозяйством (постройка дома, покупка скота и инвентаря) необходимо было потратить не менее 400 руб., а государственная помощь при переселении в Амурскую и Приморскую обл. составляла не более 150 руб., в остальные области и губернии Сибири – 100 руб. Прибывшие «столыпинские» переселенцы наделялись землей из расчета 15 дес. на одну мужскую душу. Преимуществом пользовались семьи, имевшие больше сыновей, т.к. их шансы увеличить благосостояние были выше [Нововаршавский район..., 2004, с. 28–30].

Программа правительства по переселению крестьян осуществлялась непросто. В центральные правительственные органы от переселенцев поступали многочисленные прошения о предоставлении им земельных наделов и жалобы на притеснения со стороны старожилов, но в большинстве случаев они оставались без ответов. Ухудшение условий и ограничение возможности причисления привели к тому, что в Сибири в 1910 г. скопилось более 700 тыс. непричисленных переселенцев, преимущественно самовольных. Вместе с ними на положении непричисленных оказались «законные», которые не явились в назначенные места. На протяжении 1910–1915 гг. Переселенческое управление предоставило землю 288 272 непричисленным, более 40 тыс. самовольцев осталось без земли [Скляров, 1962, с. 440].

Серьезным испытанием аграрная политика правительства подверглась в 1911 г. Очередная засуха в Сибири наиболее губительно отразилась на переселенческих хозяйствах, еще не вставших на ноги и не имевших достаточного запаса продовольствия. «Помираем с голоду и экстренно просим помощи», – телеграфировали переселенцы из Тарского у. [Манякин, 2003, с. 13]. В период проведения Столыпинской аграрной реформы в Тамбовскую губ. возвратилась почти четвертая часть переселившихся, в Симбирскую и Пензенскую губ. – пятая. В годы политической реакции (1907–1909) процент вернувшихся был незна-

чительным. В тот период царское правительство старалось приостановить обратный поток переселенцев. На месте водворения собравшимся в обратный путь переселенцам не выдавали увольнительные свидетельства, без которых они, прибыв на родину, не могли вновь приписаться в своих общинах, возбуждали против них разные иски. Кроме того, правительство отменило для обратных переселенцев льготные проездные тарифы [Кривяков, 1977, л. 162–163].

Тяжелым испытаниям переселенцы подвергались и во время переезда из Центральной России. Они ехали в товарных вагонах-теплушках, питались скудно, ели в основном сухари. В Сибири они, ожидая выделения земельных участков, по несколько месяцев жили в переполненных бараках. Но самое страшное было впереди. Переселяя крестьянскую бедноту в Сибирь, правительство почти не позаботилось об ее устройстве. Сотни тысяч человек не могли получить землю, а выделявшиеся наделы не позволяли крестьянам полностью обеспечить себя и вести дальнейшее обустройство. Немногие имели возможность купить или арендовать частновладельческую или другую землю. Бедняки арендовали землю ввиду нехватки земли, зажиточные покупали ее для организации предпринимательского хозяйства. Земля распределялась неравномерно, особенно купчая (приобретенная в собственность), которая сосредоточивалась в основном в руках состоятельных переселенцев. Среди мордовских переселенцев тех, кто имел купчие, было немного. Так, в Томской губ. купчая имела только у 2 из 146 семей, одна – на 20,0 дес., другая – на 8,4 дес. Переселенцы, имевшие 20 дес. земли, могли засеять только 15, а те, в чьих руках находилось 8,4 – 3 дес. В связи с тем, что получить землю было трудно, а купить ее имели возможность не все, переселенцы часто самовольно захватывали пустовавшие земли и участки, предназначенные для продажи. Властям ничего не оставалось, как заключать с переселенцами арендные договоры на захваченную ими землю [Никонова, Терняев, 2007, с. 32–33].

Освоение земель переселенцами происходило в тяжелых условиях. В пос. Усть-Кайсас (с 1912 г. – пос. Кучум) Мариинского у., по воспоминаниям старожилов, с Поволжья в 1904 г. прибыли 4 семьи бедняков-переселенцев, в 1905 г. – 1, а в 1907–1908 гг. – 17 семей. Чтобы установить в тайге избу, расчистить участок для огорода или пашни, им приходилось валить лес. Некоторые охотились, заводили пчел, заготавливали кедровые орехи. Дорог не было, выбирались из тайги пешком, верхом или на волокушах. Заготовленную продукцию (тес, бочки, пушнину, дичь, мед, воск) вывозили по санному пути в Кемерово или в степные села, где меняли на хлеб. На время уборки многие нанимались за хлеб батрачить к зажиточным крестьянам степных районов. Благосостояние жителей поселка было крайне низким. Зимой и летом переселенцы

ходили в лыковых лаптях и одежде из грубого самодельного холста. Женщины и девушки ночами сидели у коптящей лучины за прялкой [Там же, с. 33].

За годы столыпинской реформы за Урал фактически переселилось ок. 3,3 млн чел., причем создать свои хозяйства на новых местах смогли 2,0 млн чел. Около 0,5 млн вернулось обратно [Основы курса..., 2017, с. 343]. Несмотря на огромные трудности, в конце XIX – начале XX в. миграция мордовского крестьянства в Сибирь увеличилась. По подсчетам В.И. Козлова, численность мордвы составила в это время ок. 70 тыс., или 1,2 % от общей массы переселенцев [1960, с. 41].

Заключение

Сибирь всегда манила подавленных нуждой и безземельем крестьян европейской части России. Они смело отправлялись в дальний путь, смутно представляя, где находится столь отдаленный край. Лишь немногие переселенцы перед отправкой предварительно посылали ходочков; некоторые, руководствуясь лишь рассказами родственников и знакомых, двигались чаще всего наудачу.

Миграционная политика царского правительства вплоть до начала XX в. отличалась непоследовательностью: она была то разрешительной, то запретительной. На территорию Западной Сибири мордва массово начала переселяться во второй половине XIX в., после отмены крепостного права. Мордовские переселенцы обосновывались в сельской местности и, как правило, водворялись в населенные пункты, ранее основанные представителями других национальностей. С уменьшением фонда свободных земель новоселам приходилось осваивать таежные участки. Бедственное положение являлось причиной обратных переселений крестьян. Тысячи окончательно разоренных семей были вынуждены возвращаться в Центральную Россию. Только в первое десятилетие XX в. положение новоселов в Сибири изменилось в лучшую сторону. Создавались различные комиссии, деятельность которых была направлена на улучшение условий перевозки переселенцев в местах предполагаемого расселения новоселов, а также организовывались переселенческие районы и т.д.

Согласно архивным и полевым материалам, возвращаться на родину крестьян заставляли недостаток средств для существования и обустройства на новом месте, суровый климат, отсутствие в местах водворения благоприятных условий для ведения личного хозяйства, а главное, необеспеченность землей, пригодной для обработки (нехватка свободных участков, воды и леса и, наоборот, чрезмерная лесистость, заболоченность и затопляемость участков, отсутствие сенокосов и выпасов для скота, неурожаи и т.д.).

Следующая волна переселенческого движения с территории Поволжья была связана со Столыпинской реформой, предполагавшей переселение крестьян на свободные земли Сибири, Средней Азии и Казахстана. В период проведения аграрной реформы был облегчен выход крестьян из общины: у них появилась возможность продавать свои наделы для получения средств на переселение. Столыпинская реформа не смогла радикально решить проблему аграрного перенаселения европейской части России, но она дала мощный толчок для освоения Сибири. Переселенческое движение имело положительное значение. Благодаря переселенцам были освоены десятки миллионов десятин необжитых земель, превративших пустынные, малозаселенные местности в земледельческие районы, появилось много различных поселений, увеличились объемы зернового и мясомолочного производства и т.д. Осваивая окраинные земли, переселенцы вносили оживление в жизнь окраины и в конечном счете приумножали доходы государства.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства РМ в рамках проекта «Этнографическая научная экспедиция в юго-восточную часть Западной Сибири (Новосибирскую, Томскую и Омскую области)» (республиканский конкурс проектов проведения научных мероприятий).

Список литературы

- Волкова М.С.** Изменение в демографической ситуации среди мордвы Сибири в XIX–XX вв. // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 57–92.
- Волости** и населенные места 1893 года. – СПб.: Центральный стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1894. – Вып. 12: Томская губерния. – 116 с.
- Гребнев А.М.** О переселенческой политике царизма в период столыпинской аграрной реформы // Учен. зап. Морд. ун-та. – Саранск, 1959. – № 9. – С. 56–71.
- История Сибири** с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л.: Наука, 1968. – Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – 530 с.
- Как Еремей Петров** Тавлы основывал. – URL: http://mordovia-news.ru/print_news-1937.htm (дата обращения: 05.10.2018 г.).
- Кауфман А.А.** Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. – Т. 1: Описания отдельных поселков и поселенные таблицы. – Ч. 1: [Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа]. – 348 с. + 177 ил.
- Козлов В.И.** Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 5–62. – (Тр. Морд. этногр. экспедиции; вып. 1).
- Комаров А.И.** Правда о переселенческом деле. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1913. – 139 с.
- Кривяков Е.И.** Социально-экономическое положение переселенцев на родине // Исследования по истории Мордовской АССР. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. – С. 11–37.
- Кривяков Е.И.** Переселение крестьян из Мордовии в период капитализма (1861–1917 гг.). Саранск, 1977. 180 л. // НА НИИГН. И-930.
- Манякин С.И.** Сибирь далекая и близкая. – М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 2003. – 447 с.
- Материалы** мордовской историко-этнографической экспедиции 1954 и 1955 г. Саранск, 1955. 117 л. // НА НИИГН. И-220.
- Мордва:** историко-культурные очерки / отв. ред. В.А. Балашов. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. – 624 с.
- Никонова Л.И., Терняев А.П.** Переселение мордвы в Сибирь // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 19–45.
- Нововаршавский район:** история и люди / ред. П.А. Брычков. – Омск: [б. и.], 2004. – 608 с.
- Овчарова М.А.** Расселение мордвы на юго-востоке Сибири в XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23, № 3. – С. 101–106.
- Основы курса** истории России / А.С. Орлов, А.Ю. Полунов, Ю.Я. Терещенко. – М.: Проспект, 2017. – 576 с.
- Первая всеобщая перепись населения** Российской империи 1897 г. – СПб.: 1899–1905. – Т. LXXIX: Томская губерния. – 1904. – [4], XXVI, 246 с.; Т. LXXIII: Енисейская губерния. – 1904. – [4], X, 185 с.; Т. LXXXV: Иркутская губерния. – 1904. – [4], XVI, 172 с.; Т. LXXXVIII: Тобольская губерния. – 1905. – [4], XLXI, 247 с.
- Разживин В.Ф., Никонова Л.И.** Мордовское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 45–57.
- Рашин А.К.** Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.
- Русяйкин В.Б.** Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. Причины переселения мордвы в Сибирь. Саранск, 1987. 140 л. // НА НИИГН. Л-836.
- Скляров Л.Ф.** Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1962. – 586 с.
- Списки** населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [по сведениям 1859]. – Б.Г.: б.и., 1868. – Т. 62: Томская губерния. – [3]. СХХIV. 148 с.
- Филатов Л.Г., Юрченков В.А.** Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1989. – 240 с.
- Хлеб** Прииртышья. – Омск: Кн. изд-во, 1999. – 400 с.

*Материал поступил в редколлегию 17.10.18 г.,
в окончательном варианте – 23.01.19 г.*